

С. А. МУЛЬД

ПОЗДНЕСАРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КРЫМУ

В фондах Крымского Республиканского краеведческого музея более десяти лет хранится археологический комплекс позднесарматского времени. Кроме экспедиционных шифров на упаковках вещей, другой сопровождающей его документации нет. Известно, что предметы были сданы в музей сотрудником Крымского филиала Института археологии АН УССР К.К. Орловым.

Со слов непосредственных участников раскопок, удалось выяснить следующее¹: в 1989 г. во время строительных работ у с. Мичуринское Белогорского района было обнаружено погребение. Содержимое его осталось непо потревоженным до начала раскопок, которые возглавлял К.К. Орлов. Во время раскопок велась графическая фиксация и, хотя впоследствии отчета о проделанной работе сделано не было, сохранившиеся полевые чертежи позволяют восстановить ситуацию. Объектом исследования был склеп Т-образной планировки. Входная яма, более одного метра в ширину, имела 7 ступенек вдоль противоположной входу стенки. Вход в погребальную камеру перекрывали три массивные плиты антропоморфной формы, поставленные вертикально. Дно входной ямы и пол камеры соединялись ступенькой. Камера в плане прямоугольной формы. Высота свода не менее 1,6-1,7 м. В противоположной входу стенке имелись три небольших выступа, расположенных на разной высоте. На одном из них лежало несколько предметов, среди которых курильница, деревянное веретено с надетым на него пряслицем и швейная игла. Пол камеры покрывал толстый слой угля. В центре, перпендикулярно продольной оси склепа, опираясь на шесть камней, стояла массивная деревянная колода без крышки с погребением женщины. Костяк был несколько потревожен кусками упавшего свода и грызунами. На нем обнаружены: в районе черепа и ребер – маленькие золотые бляшки и гагатовые бусы, в районе таза – обрывки золотой фольги и наконечники ремней, в ногах – большие золотые бляшки и бусы. Между торцом колоды и стенкой камеры лежала амфора.

Описание находок из склепа:

1. Узкогорлая светлоглиняная амфора типа "D" по Шелову, "D-2" по Абрамову, высота 492 мм, диаметры: венчика 69 мм, тулова 215 мм, ножки 38 мм (рис. 1). Д.Б.Шелов датирует этот тип 1-й половиной III в. н.э. [61, с.18-19, рис. 7], А.П.Абрамов – концом II – первой половиной III в. н.э. [1, с. 8,17,46, рис. 53]. В Ольвии они известны в комплексах конца III в. н.э. [33, с. 94]. Наиболее распространенный тип светлоглиняных узкогорлых амфор во всем Северном Причерноморье. Изредка встречаются в погребениях грунтовых могильников Крыма: Бельбек I [24, с. 35, рис. 1.10,13,31], Бельбек II – в погребении с монетами Гордиана II (238-244 гг.) [39, с. 115, рис. 4.1], Бельбек IV [25, с. 160, рис. 4.15, 6.4],

¹ Выражаю благодарность за оказанную помощь старшему научному сотруднику Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины И.В.Ачкинази и начальнику отдела Рескомитета по охране и использованию памятников истории и культуры А.И. Филатову.

Дружное – в погребении с монетой Галлиена (253-268 гг.) [57, с. 167, рис. 2.2], Нейзац (могилы №№ 17, 33, раскопки 1996 г.), Скалистое III [17, с. 135, рис. 3.1], Танковое – в погребении с монетами Геты и Юлии Домны [18, с. 86, рис. 4.1]. Единичны они и в сарматских погребениях степных курганов Нижнего Дона [14, с. 222, рис. 4.16].

2. Лепная курильница с усеченно-коническим туловом на сплошной, слегка расширяющейся к низу подставке, тип 6.2/С по Власову [19, с. 140], высота 8,2 см, диаметр верхнего края 10,3 см, дна – 6,2 см (рис. 4,31). Аналогичной формы курильницы найдены на позднескифских городищах – Южно-Донузлавском, датируется рубежом эр [27, с. 18, табл. 23.3] и Неапольском, датируется II-III вв. н.э. [27, с. 17, табл. 16.5]. Наиболее ранние образцы подобных изделий известны по материалам скифских памятников лесостепи конца VII-VI вв. до н.э. [9, табл. 21.15,16], а также сарматских захоронений III-I вв. до н.э. Поволжья и Волго-Донского междуречья [49, рис. 1,VIII 36; 3,VIII 4а]. Очень характерны для женских погребений ранне- и среднесарматского времени [50, с. 174]. Лепные курильницы близких типов встречаются в погребениях I-III вв. н.э. могильников Крыма: Казан-Таш [29, с. 114, рис. 65], Неаполь [54, табл. 1.3; 27, табл. 49.17], Усть-Альма [20, с. 82, рис. 6.3, 29.31].

3. Бронзовый браслет овальной формы с тремя рядами сглаженных округлых выступов, диаметр 6,8-8 см (рис. 2,5). Типологически близок “классическому” виду подобных предметов круглой формы с хорошо выделенными выступами. Последние довольно часто встречаются в погребениях I-III вв. н.э. могильников Крыма: Неаполь [54, с. 97, табл. XLIII; 44, рис. 5.16, 6.11], Бельбек IV [24, с. 42], Скалистое III [17, с. 144], Мамай-Оба [30, с. 80, рис. 4.7], Заветное [15, с. 52, табл. XVI.4], Усть-Альма [20, с. 111], Казан-Таш [29, рис. 65.1]. Известны и в некрополях античных центров [31, с. 94, рис. 61.9]. В Восточной Европе они бытуют с IV в. до н.э. по III в. н.э. [34, с. 30-51]. В археологической литературе их называют по-разному: “шишковатые кольца”, “браслеты латенского облика”, “кольца с выступами”, “кольца-амулеты” и т.п. Отчасти такое разнообразие терминов связано с тем обстоятельством, что ни в одном достоверном случае они не были надеты на руки погребенных. Отсюда сложилось довольно устойчивое мнение о культовом характере этих изделий [16, с. 84; 27, с. 39-40; 54, с. 97], что, впрочем, некоторым исследователям не мешает их классифицировать как браслеты [20, с. 111, рис. 33; 15, с. 52; 24, с. 42]. Д.С.Раевский связывал появление колец с выступами в погребениях Неаполя скифского с сарматским влиянием [45, с. 149].

4. Бронзовый браслет из толстой (0,3 см), круглой в сечении проволоки с незамкнутыми концами, диаметр 7,1-7,7 см (рис. 2,6). Широкий круг аналогий в погребениях I-III вв. н.э. могильников Юго-Западного Крыма [20, с. 111; 24, с. 42], Неаполя [54, с. 93, табл. XXXVI], Боспора [60, табл. XXXV, рис. 3; 8, табл. XXXIII.5; 21, с. 216, рис. 82.3], Кавказа [2, с. 12, рис. V.25,26].

5. Серебряный браслет из круглой в сечении, толстой (0,3 см) проволоки с завязанными, неразъемными концами, диаметр 7,1 см (рис. 2,9). Концы вытянуты в тонкие, прямоугольные в сечении полоски, загнуты между собой в петельки и плотно закручены в 10-13 оборотов. Точные аналогии нам не известны. Наиболее близка публикуемой форма браслетов с обмоткой у концов, которые выполнены в виде крючка и петельки [10, с. 99, табл. XIII.8; 57, с. 171, рис. 4.4; 21, с. 215, рис. 82.2].

6. Серебряная лучковая подвязная одночленная фибула пятого варианта по Амбразу [7, с. 50, табл. 9.11], длина 7,8 см (рис. 2,12). Датируется первой половиной III в. н.э. В Поволжье и на Нижнем Дону эти фибулы появляются в конце II в. н.э., но наибольшее распространение получают в первой половине III в. н.э. [48, с. 107]. Удивительно точная аналогия известна по материалам могильника Танаиса (погребение 171 с амфорой III

в. н.э. и железной лучковой подвязной фибулой) [6, с. 252, табл. III.8].

7. Кольцо круглое в сечении, один конец ложновитой, согнут в петлю, другой – круглый в сечении, загнут крючком, диаметр 4,6 см (рис. 2,8).

Вероятно, в погребении кольцо было надето на иглу фибулы, поскольку эти предметы имеют общий номер шифра и находились в одной упаковочной коробке. Этот интересный обычай зафиксирован на крымских памятниках Скалистое III [17, с. 143, рис. 2.27, 5.38], Бельбек III [24, с. 41, рис. VI.19, VII.16], Неаполь [54, табл. XXVIII.3,6; 55, с.143], Дружное [56, с. 534, рис. 4.10], Усть-Альма [20, табл. 25.38, 41.24], Суворово [29, рис. 58, 61], Чатырдаг [42, с. 112, 129, рис. 4.9,11], Нейзац (могилы №№ 87, 90, раскопки 1999 г.), Левадки (могила № 12, раскопки 1997 г.), Танковое [18, с. 85, рис.3.7,8], Чернореченский [3, рис. 3.9]. В большинстве известных нам случаев кольца были надеты на лучковые подвязные фибулы различных вариантов. В Нейзаце (могилы №№ 92, 103) и Скалистом III для этой цели послужили смычковые фибулы [17, рис. 4.32]. Таким образом, дата существования этой моды – I–III вв. н.э. Чаще всего на фибулу надевали литые бронзовые, серебряные, реже кованые железные кольца, а также проволочные браслеты, височные подвески, перстни. Возможно, в этом же контексте следует рассматривать находку двух лучковых, скрепленных между собой фибул в погребении курганного могильника Высочино VII на Нижнем Дону [14, с. 213, рис. 1.4]. Исходя из этого перечня можно предположить, что предметы играли роль дополнительного украшения застежки одежды.

8. Серебряные проволочные серьги:

а) средняя часть ложновитая, один конец прямой, прямоугольный в сечении, край согнут в петлю, другой – круглый в сечении, загнут крючком, диаметр 2,6 см (рис. 2,7). Аналогичные серьги найдены в погребениях I–II вв. н.э. Усть-Альминского могильника [20, с. 107, табл. 32.9, 43.18];

б) фрагмент серьги аналогичной, по-видимому, вышеописанной (рис. 2,2);

9. Перстень из тонкой серебряной пластинки с расширяющимися несомкнутыми концами, диаметр 1,8 см (рис. 2,1).

10. Фрагментированный серебряный перстень с круглой в сечении шинкой, плавно переходящей в уплощенную прямоугольную жуковину, диаметр 2 см (рис. 3,1).

11. Фрагмент перстня из широкой (1 см) бронзовой пластинки, диаметр 1,4 см (рис. 2,3).

12. Два бронзовых колечка из уплощенной проволоки с округлым продольным ребром посредине, размеры 1,1x0,8 см и 1,3x0,9 см. Концы меньшего колечка соединены встык, второго – заходят один на другой (рис. 3,5,6). Довольно часто подобные предметы входят в состав ожерелий [54, с. 91, табл. XXIX].

13. Серебряная пряжка с подвижным язычком, немного выступающим за рамку, и щитком из согнутой пополам прямоугольной пластины, скрепленной штифтом (рис. 2,15). Рамка овальной формы с утолщенной передней частью, выпрямленной тыльной стороной с боковыми уступами для щитка. Язычок и щиток фасетированы. Размер 3,2x1,7 см. Аналогичной формы пряжки входили в состав уздечных наборов, обнаруженных в позднесарматских погребениях Нижнего Дона, Буджакских степей и Крыма (см. Табл.). Две похожие пряжки найдены в могильнике Нейзац – одна с более сложной фасетировкой щитка и язычка в 1927 г. в склепе 2 [27, табл. 63,19]², вторая в ограбленном склепе 35 (раскопки 1997 г.). По мнению М.Г.Мошковой, пряжки с прямоугольными щитками получают распространение со II в. н.э. на всей территории распространения позднесарматской культуры [41, с. 200]. По данным А.В.Симоненко, в Северном Причерноморье эти изделия появляются во второй половине II в. н.э. [46,

с. 242]. Выделяя в отдельный вариант украшенные фасетировкой пряжки с прямоугольными щитками, он датирует их второй половиной III – IV вв. н.э. [46, с. 244]. Отсутствие одного из характерных признаков этого варианта, а именно ступенчатого среза у основания язычка, позволяет нам говорить о более ранней дате "мичуринского" экземпляра. Небольшие размеры описываемой пряжки, а также отсутствие информации о положении в склепе не позволяют уверенно считать ее деталью узды.

14. Четыре ременных наконечника из тонких серебряных пластин немного расширяющихся к нижнему краю, размеры 9,5x1,1-0,9 см (рис. 3,2). Лицевая сторона фасетирована. К основанию трех наконечников, с тыльной стороны, прикреплены с помощью заклепки короткие бронзовые пластины для крепления ремней. Без сомнения, такую же пластинку имел и четвертый экземпляр. Основываясь на информации о положении наконечников на поясе погребенного, мы не исключаем возможности использования их в качестве поясного украшения. Однако известные нам аналогии являлись деталями уздечных наборов (см. Табл.). Три наконечника найдены в ограбленных могилах [52, с. 7,8, рис. 6.2, 7.4; 23, с.44, рис. 13.1].

15. Две серебряные пластинчатые подвески округлой формы, с прямоугольным выступом в верхней части, к которому с тыльной стороны с помощью заклепки крепилась бронзовая прямоугольная пластинка (рис. 3,3,4). Размеры 4,8x3,6 см. Лицевая сторона украшена по краю окружности насечками, выступы фасетированы. Одна подвеска фрагментирована, тыльная пластинка утрачена. Аналогичные подвески служили украшениями оголовья лошади (см. Табл.). Два уздечных набора с подвесками листовидной формы происходят из богатых боспорских погребений II-III вв. [65, fig. 13, 14].

16. Две круглые серебряные пластинчатые подвески (6,2x5,5 и 6,1x5,9 см), каждая с прорезью для обоймы (рис. 3,7,9). Обойма сделана из согнутой пополам пластины и скреплена заклепкой. Ее лицевая, более широкая, сторона фасетирована. С тыльной стороны узкая перемычка у отверстия круглой пластины усилена припаянной бронзовой согнутой дугой полоской. Такие же подвески украшали конскую сбрую (см. Табл.). Подвеска листовидной формы с изображением сарматской тамги найдена в склепе 1 могильника Нейзац в 1927 г. [63, рис. 14е].

17. Обойма от нагайки из тонкой бронзовой пластинки и скрепляющего штифта с остатками дерева, размеры 1,5x1,2x0,8 см (рис. 3,8). Остатки плетей-нагаек часто сопровождают всаднические погребения (см. Табл.). Несколько обойм найдено в ограбленных погребениях [51, с. 13, 20, рис. 7.5, 12.6; 23, с. 44, рис. 13.2]. На рукоятке нагайки из погребения в кургане 17 могильника Новоалександровка было две серебряные обоймы [14, с. 215, рис. 2.11]. С.И.Безуглов полагает, что обоймы являются хорошим хронологическим индикатором комплексов конца II – первой половины III вв. [11, с. 136].

18. Бронзовое литое кольцо, круглое в сечении, размер 4,7x3,9 см (рис. 2,4). Очень часто встречаются в погребениях рассматриваемого периода на всей территории расселения сарматских племен и на позднескифских памятниках. Без сомнения, кольца использовались в различных целях, в том числе служили деталями конской сбруи (см. Табл.).

19. Серебряные полусферические бляшки со слегка отогнутыми краями, диаметром 1,2-1,4 см – 39 целых и 6 фрагментированных, диаметром 1,5-1,7 см – 27 целых и 6 фрагментированных. К внутренней поверхности бляшек с помощью пастового заполнения крепились бронзовые скобы (рис. 2,10,11). Сохранилось два фрагмента изделия или изделий, украшенных бляшками, длиной 8,8 и 4,5 см (рис. 2,13,14). По одному из

² В указанной публикации пряжка нарисована не точно. Детали, позволившие привести ее в качестве аналогии, были выявлены при осмотре в фондах КРКМ.

фрагментов, вероятно краю изделия, видно, как две кожаные полоски, сшитые по краям нитками внахлест, обтягивали деревянную основу толщиной 0,5 см и шириной 2,8 см. В сквозное отверстие вставлялись концы скобы и разгибались на тыльной стороне. Судя по положению скоб на фрагментах, бляшки крепились, чередуясь, парами вдоль и поперек осевой изделия. Бляшками украшали различные предметы, например, ножны мечей [12, с. 103, рис. 2.14] и, возможно, одежду [23, с. 36, рис. 10.7,8]. Несколько аналогий связано с уздечными наборами (см. Табл.). Такая же техника крепления бляшек зафиксирована на обрывке кожи от конской упряжи Перещепинского комплекса [36, с. 104, 107, рис. 5].

20. Три железные пряжки с круглыми, прямоугольными в сечении рамками и подвижными язычками, размеры 3х2,8, 3,3х3 и 3х2,7 см (рис. 4, 1, 2, 5). В одном экземпляре сохранились остатки кожаного ремня шириной 2 см.

21. Большая железная пряжка с сегментовидной рамкой и подвижным язычком, размер 6,3х5,4 см (рис. 4, 4). Аналогичной формы пряжка найдена в погребении второй половины II – первой половины III вв. в Северном Приазовье [62, с. 168, рис. 8.9].

Отметим любопытное количественное совпадение. В наиболее полном парадном сбруйном наборе погребения 8 курганного могильника Центральный VI на Дону находились три небольшие железные круглорамчатые пряжки и одна большая сегментовидной формы (см. Табл.).

22. Кольчатые железные удила, диаметр колец 6,5 см (рис. 5, 8). На кольцах сохранились фрагменты кожаных ремней шириной 1,2 см.

23. Фрагмент лезвия железного ножа (рис. 5, 3). Ширина лезвия 1,2 см.

24. Фрагмент железной накладной пластины замка шкатулки, размер 5,5х3 см (рис. 4, 7). Пластина, очевидно, была прямоугольной формы – наиболее распространенной среди подобных изделий. Детали шкатулок и ключи обнаружены практически во всех крымских могильниках, функционировавших в I–III вв. [54, с. 88; 20, с. 121-123; 15, с. 47; 56, с. 531].

25. Фрагмент железного изделия, вероятно, деталь шкатулки, длина 3,2 см (рис. 4, 6).

26. Золотые нашивные бляшки из фольги:

- а) полусферическая, с двумя отверстиями для пришивания, диаметр 0,6 см (рис. 5, 25). Аналогии: погребение второй половины I – первой половины II в. н.э. Кобяковского могильника [43, с. 147, рис. 8.12], погребение второй половины II – первой половины III в. н.э. могильника Новоалександровка [14, с. 217, рис. 3.13], в могильнике Заветное [15, с. 47, табл. XII.8], в некрополе Херсонеса [35, рис. 8].
- б) 17 круглых с выпуклостью в центре и рубчиком по краю, с двумя отверстиями для пришивания, диаметр 0,8-0,9 см (рис. 5, 26). Аналогии: погребение I-II вв. н.э. Белолесского могильника [52, с. 17, рис. 13.9-11], погребение второй половины I – первой половины II вв. н.э. Усть-Альминского могильника [28, с. 302, илл. 4.2.17].
- в) треугольные с шестью выпуклостями по периметру и отверстиями по углам, размер 0,9х0,9 см (рис. 5, 27). Шесть экземпляров. Аналогии: погребение I в. н.э. в Соколовой могиле [32, рис. 5.13].
- г) 19 круглых со штампом в виде семилепестковой розетки рубчиком, с двумя-четырьмя отверстиями для пришивания, диаметр 1,8-1,9 см (рис. 5, 29). Опубликовано [64, Abb. 105]. Аналогии: бляшки с выполненными точками розетками из погребения конца I – начала II в. н.э. Усть-Альминского могильника [20, с. 64, табл. 38.12], шестилепестковая розетка на бляшках из склепа 1013 конца I – середины III вв. некрополя Херсонеса [13, с. 135, рис. 20.2].

27. Золотая пронизка из свернутой в трубочку прямоугольной рифленой пластинки, длина 0,6 см (рис. 5, 30). Аналогии: погребение I-II вв. н.э. Белолесского могильника

[52, рис. 13.12,13], погребение второй половины I – начала II в. н.э. Кобяковского могильника [43, с. 149, рис. 8.11], погребение I в. до н.э. – начала I в. н.э. Неапольского могильника [54, с. 62, 91, табл. XXIX.17], в могильниках – Усть-Альминском [20, с. 63], Заветнинском [15, с. 47, табл. XII.8].

Мода расшивать одежду золотыми бляшками известна с древнейших времен по материалам богатых скифских и савроматских погребений [38, с. 59; 50, с. 167]. Как видно из приведенных аналогий, она продолжала бытовать и в первые века нашей эры.

28. Четыре фрагментированных обкладки из золотой фольги биконической формы с валиками по краям, длина 2,9-3,8 см (рис. 5,28). Наиболее целая опубликована [64, Abb. 105].

29. Бусы из одноцветного стекла:

- а) 8 пронизей в виде четырнадцатигранников из прозрачного темно-зеленого стекла (рис. 5,1), тип 131 по Алексеевой, II-IV вв. н.э. [4, с. 70];
- б) пронизь в виде четырнадцатигранника из глухого стекла неопределенного цвета (рис. 5,2), тип 126 по Алексеевой, I-II вв. н.э. [4, с. 70];
- в) 5 пронизей в виде плоских дисков из глухого серо-голубого стекла (рис. 5,5), тип 75 по Алексеевой, II-III вв. н.э. [4, с. 68];
- г) 2 пронизи в виде плоских дисков из полупрозрачного темно-лилового стекла (рис. 5,7), тип 72 по Алексеевой, II-III вв. н.э. [4, с. 68];
- д) 73 цилиндрических из глухого красного стекла (рис. 5,3), тип 57 по Алексеевой, I-IV вв. н.э. [4, с. 67];
- е) пронизь уплощенно-призматической формы из глухого красного стекла (рис. 5,24), тип 117 по Алексеевой, II-III вв. н.э. [4, с. 70];
- ж) 142 цилиндрических из глухого белого стекла (рис. 5,4), тип 55 по Алексеевой, I-III вв. н.э. [4, с. 67];
- з) 13 пронизей уплощенно-призматической формы из глухого белого стекла (рис. 5,6), тип 116 по Алексеевой, I-IV вв. н.э. [4, с. 69];
- и) пронизь треугольной в сечении формы из глухого оранжевого стекла (рис. 4,8);
- к) 2 пронизи в виде плоских дисков из полупрозрачного темно-лилового стекла (рис. 5,7), тип 202 по Алексеевой, I в. н.э. [4, с. 74].

30. Бусы с внутренней металлической прокладкой:

- а) 47 округлых из прозрачного бесцветного стекла, из которых 14 объединены по две, а 2 – по три в нерасчлененные цепи (рис. 5,11), тип 1 по Алексеевой, первые века н.э. [4, с. 29-30];
- б) 2 фрагментированные удлиненные бугристые пронизи (рис. 5,9), тип 20 по Алексеевой, римское время, преимущественно II в. н.э. [4, с. 32].

31. Бусы из многоцветного стекла:

- а) 4 округлые из прозрачного темно-зеленого стекла, покрытые плотной коричневой патиной, украшенные тремя желтыми цветками, некоторые с красной серединой (рис. 5,15), тип 482 по Алексеевой, II-III вв. н.э. [5, с. 42];
- б) 2 цилиндрические из глухого грязно-белого стекла, украшенные двумя поперечными рядами буро-сине-белых глазков (рис. 5,10).

32. Бусы из гагата:

- а) 5 ромбовидных пронизей с двумя параллельными каналами отверстий (рис. 5,12), тип 37 по Алексеевой, I в. до н.э. - III в. н.э., преимущественно I-II вв. н.э. [4, с. 15-16];
- б) 4 цилиндрических продольно вытянутых (рис. 5,13), тип 26 по Алексеевой, I в. до н.э. - III в. н.э., преимущественно I-II вв. н.э. [4, с. 13-14];
- в) 7 короткоцилиндрических (рис. 5,14), тип 27 по Алексеевой, римское время [4, с. 14-15].

33. Бусы из халцедона:

- а) округлая поперечно сжатая из полупрозрачного дымчатого камня (рис. 5, 19), тип 2 по Алексеевой, II-III вв. н.э. [5, с. 11];
- б) подобная предыдущему типу, но из голубоватого камня (рис. 5, 16), тип 4 по Алексеевой, I-II вв. н.э. [5, с. 12].

34. Бусы из сердолика:

- а) округлая с узким каналом отверстия (рис. 5, 17), тип 2 по Алексеевой, наиболее типичны для I-II вв. н.э. [5, с. 15].
- б) 2 бочковидные продольно вытянутые (рис. 5, 18), тип 3 по Алексеевой, римское время [5, с. 16].

35. Бусы из янтаря:

- а) 13 бочковидных поперечно сжатых (рис. 5, 20), тип 5 по Алексеевой, I-III вв. н.э. [4, с. 24];
- б) 16 короткоцилиндрических с выступающими торцами (рис. 5, 21), тип 24 по Алексеевой, I-IV вв. н.э. [4, с. 24];
- в) 6 пронизей неправильной формы (рис. 5, 22), тип 44 по Алексеевой, I в. до н.э. – IV в. н.э. [4, с. 25-26];
- г) 42 короткоцилиндрические (рис. 5, 23), тип 7 по Алексеевой, I-IV вв. н.э., преобладают во II-III вв. н.э. [4, с. 24].

Сравнивая устную информацию о погребении с описанием инвентаря, следует полагать, что часть предметов была утрачена. Это обстоятельство все же не мешает определению времени захоронения. Большинство аналогий вещам укладываются в рамки второй половины II – первой половины III вв. н.э. Амфора, фибула и серебряная пряжка позволяют ограничить эту дату первой половиной III в. н.э.

В том, что погребенной была женщина-сарматка, занимавшая высокое социальное положение, особых сомнений нет. Женские погребения второй половины II – первой половины III вв. н.э. сопровождаются большим количеством бус, которыми обшивали края одежды. Например, в отдельных комплексах Неизацкого могильника их количество определяется тысячами экземпляров. Судя по материалам Усть-Альминского могильника, шкатулки сопровождают только женские захоронения [20, с. 123]. В инвентаре женских могил позднесарматского времени гораздо чаще, чем в мужских, встречаются курильницы [41, с. 193].

Сам факт сооружения отдельного склепа свидетельствует о высоком социальном статусе похороненного в нем человека. Тому подтверждением и весь комплекс сопровождающего инвентаря, в котором особое место занимает уздечный набор. Он состоял из железных удилов и пряжек, серебряных подвесок двух типов, бляшек с бронзовыми скобами, а также, возможно, бронзового кольца, серебряных ременных наконечников и пряжки, и как сопутствующей подобным наборам детали – обоймы нагайки. Известно, что позднесарматские сбруйные наборы всегда индивидуальны по составу [40, с. 76]. Однако стилистически и морфологически они очень близки и, по мнению С.И. Безуглова, составляющие их детали "с большей или меньшей полнотой совместно встречаются в комплексах, образуя замкнутый круг аналогий" [88, с. 110].

Сбруйные наборы, как и оружие, являются основными элементами погребального инвентаря позднесарматских воинских или "всаднических" захоронений, обнаруженных в степных районах от Южного Приуралья до устья Дуная. Более всего таких могил найдено на Нижнем Дону [11, с. 137]. Аналогичные погребения, с той лишь разницей, что совершены они не под курганными насыпями, известны и в Крыму. К ним относятся одиночное захоронение в склепе 77 Чернореченского могильника [10, с. 117-118] и погребение у городских ворот Неаполя скифского [63, с. 76].

Публикуемый материал важен для определения черт, составляющих локальный вариант группы погребений позднесарматской аристократии. К таковым, в первую очередь, следует отнести оседлый характер сарматского населения Крыма. В Центральном Крыму, кроме "мичуринского" склепа, еще один уздечный набор сопровождал погребение без оружия (склеп 17 могильника Нейзац) [58, с. 507, рис. 11, 12]. Таким образом, фиксируется особенность погребального обряда, когда использование сбруйных наборов не является исключительной привилегией воинских или мужских погребений. Любопытно отметить, что все четыре упомянутые крымские захоронения сопровождалась амфорами.

Очень мощная волна переселения фиксируется появлением во второй половине II в. н.э. сарматских грунтовых могильников (Нейзац, Бельбек I-III, Суворово, Скалистое III, Танковое, Чернореченский и др.), а также сарматских погребений на всех позднескифских некрополях (Неаполь, Усть-Альма, Заветное, Левадки и др.). Безусловно, это событие было вызвано внешними причинами. Д.Б.Шелов полагал, что появление нового населения в Танаисе в 50-80-х гг. II в. н.э. связано с перемещениями кочевников из районов Поволжья – Прикаспия [59, с. 90, 92]. В середине или во второй половине III в. н.э. часть сарматских могильников перестает функционировать, часть продолжает использоваться (Нейзац, Чернореченский, Суворово и др.), но уже новым населением, которое, вероятно, следует связывать с аланами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. М., 1993. Вып. 3.
2. Абрамова М.П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры (по материалам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
3. Айбабин А.И. Население Крыма в середине III-IV вв. // МАИЭТ. 1996. Вып.V.
4. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12.
5. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1-12.
6. Амброз А.К. Фибулы из раскопок Танаиса // МИА. 1969. №154.
7. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э.- IV в. н.э. // САИ. М., 1966. Вып. Д1-30.
8. Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М., 1977.
9. Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
10. Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // АП. 1963. Том XIII.
11. Безуглов С.И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994. Азов, 1997. Вып. 14.
12. Безуглов С.И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. 1988. №4.
13. Белов Г.Д. Римские приставные склепы №№ 1013 и 1014 // ХСб. 1927. Вып. 2.
14. Беспалый Е.И. Погребение позднесарматского времени у г.Азова // СА. 1990. №1.
15. Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Труды ГИМ. М., 1989. Вып. 70.
16. Богданова Н.А. Семантика и назначение некоторых амулетов из могильников первых веков н.э. юго-западного Крыма // Труды ГИМ. М., 1980. Вып. 51.
17. Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I-III вв.) // СА. 1976. №4.
18. Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
19. Власов В.П. Этнокультурные процессы в Крыму в III в. до н.э. – IV в. н.э. (по материалам лепной керамики). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.04. Киев, 1999.

Мульда С.А. Позднесарматское погребение в Центральном Крыму

20. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
21. Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых Боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // МИА. 1959. №69.
22. Гугуев В.К., Безуглов С.И. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища на Дону // СА. 1990. №2.
23. Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. Киев, 1984.
24. Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Труды ГИМ. М., 1974.
25. Гущина И.И., Журавлев Д.В. Погребения с бронзовой посудой из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // РА. 1999. №2.
26. Гущина И.И., Мошкова М.Г. Курганы у с.Харьковка в Заволжье (раскопки Б.Н.Гракова и П.С.Рыкова в 1925, 1926 гг.) // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.
27. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. М., 1991. Вып. Д 1-7.
28. Зайцев Ю.П. "Склеп жриц" Усть-Альминского позднескифского некрополя // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М., 2000.
29. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
30. Зубар В.М., Савеля О.Я. Новый сарматский могильник второй половины I – началу II ст. н.э. в Юго-Западном Крыму // Археология. 1989. №2.
31. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. Киев, 1982.
32. Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение в Соколовой Могиле (предварительная публикация) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
33. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. Киев, 1993.
34. Кухаренко Ю.В. распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. 1951. №1.
35. Лепер Р.Х. Дневники раскопок херсонесского некрополя в 1908-1910 гг. // ХСб. 1927. Вып.2.
36. Львова З.А. Перещепинский набор конской упряжи // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
37. Максименко В.Е., Безуглов С.И. Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой // СА. 1987. №1.
38. Мелюкова А.И. Скифские памятники степи Северного Причерноморья // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
39. Мосберг Г.И. К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма // СА. 1946. VIII.
40. Мошкова М.Г. Два позднесарматских погребения в группе "Четыре брата" на Нижнем Дону // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
41. Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
42. Орлов К.К. Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.
43. Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. №1.
44. Пуздровский А.Е. Новый участок Восточного некрополя Неаполя Скифского // РА. 1992. №2.
45. Раевский Д.С. Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя) // МИА. 1971. №177.
46. Симоненко А.В. Сарматы Северного Причерноморья. Хронология, периодизация и этнополитическая история. Дис. ...докт. ист. наук. Киев, 1999.
47. Скрипкин А.С. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. 1989. №4.
48. Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. №2.
49. Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
50. Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

51. Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. I. Курганные могильники Алкалия и Хаджидер II. Киев, 1990.
52. Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. II. Курганные могильники Дивизийский и Белопесский. Киев, 1990.
53. Сунгатов Ф.А. Погребение позднесарматского времени в Зауралье // СА. 1991. №4.
54. Симонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). Киев, 1983.
55. Симонович Э.А. Фибулы Неаполя скифского // СА. 1963. №4.
56. Храпунов И.Н. Погребение середины III в. н.э. из могильника Дружное // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
57. Храпунов И.Н., Масыкин В.В. Подбойная могила второй половины III в. нашей эры из могильника Дружное // Stratum+ПАВ. СПб.; Кишинев, 1997.
58. Храпунов И.Н., Мульд С.А. Новые исследования могильников позднеримского времени в Крыму // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel und Osteuropa. Łódź, 2000.
59. Шелов Д.Б. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II-III вв. н.э. по данным Танаисской ономастики // ВДИ. 1974. №1.
60. Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса (раскопки 1955-1958 гг.) // МИА. 1961. №98.
61. Шелов Д.Б. Узкогорные светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. №156.
62. Шепко Л.Г. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. 1987. №4.
63. Шульц П.Н. Исследования Неаполя скифского (1945-1950 гг.) // ИАДК. Киев, 1957.
64. Muld S. Das Grab von Mitschurino (Rajon Belogorsk) // Unbekannte Krim. Katalog. Heidelberg, 1999.
65. Rostovtzeff M. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch // Monuments et mémoires. Paris, 1923.

MOULD S. A.

LATE SARMATIAN BURIAL IN THE CENTRAL CRIMEA

Summary

In 1989 in the outskirts of the village Michurinskoe in the Central Crimea a vault of the late Sarmatian period was examined. Orlov K.K., a supervisor of the excavation, moved away from scientific activity and did not give a report about this work. All the things were transposed to the Crimean Republican Museum of Local Lore, History and Economy. Testimony of the participants of the expedition enabled us to place some details of the burial.

In the subsoil vault of T-shaped planning there was a female burial. The costume of a dead woman was decorated with a large quantity of sewn beads and gold plates. Bracelets, finger rings and earrings were used as ornaments. Besides, an amphora, incense burner, iron details of a casket, bridle set were found in this vault. The latter one is of a particular interest, because similar sets are characteristic detail of rich Sarmatian war complexes revealed in the steppe districts from the Southern Urals district to the estuary of the Danube. Several "riders'" burials are known and in the Crimea. For the first time a bridle set was found in the female's burial. The burial is dated back to the first half of the 3rd century AD. The whole complex testifies to a high social position of the buried woman.

Таблица аналогий уздечному набору

1	2	3	4	5
Н. Дон, группа «Четыре брата», кург. 3, погр. 6	1 пол. III в.	13		40, с. 76, рис. 3
		15	секировидной формы	40, с. 76, рис. 3
		18		40, с. 76, рис. 3
		19		40, с. 76, рис. 3
Н. Дон, мог-к Сладковский, кург. 19	Конец II – 1 пол. III вв.	15	железные с золотой фольгой	37, с. 184, рис. 2. 4,5
		19	вероятно, украшали налобник	37, с. 183, рис. 2,6
Н. Дон, Мог-к Центральный VI, кург. 16, погр.8	Конец II – 1 пол. III вв.	13		12, с. 107, рис. 3.29,30
		14		12, с. 107, рис. 3.22,23
		17		12, с. 104, рис. 2.25
		18		12, с. 107, рис. 3.16
		20	рамка в сечении круглая	12, с. 108, рис. 3.7,8,10
		21	рамка в сечении квадратная	12, с. 108, рис. 3.9
Н. Дон, пос. Котлубань, кург. 2	2 пол. II – 1 пол. III вв.	13	не фасетирована	47, с. 173, рис. 1.13
		16	диаметр 2,5 см	47, с. 172, рис. 1.12
Н. Дон, мог-к Высочино VII, кург. 12, погр. 1	2 пол. II – 1 пол. III вв.	14	прямоугольной формы	11, с. 134, рис. 2.16
		15	секировидной формы	11, с. 134, рис. 2.9,10
		17		11, с. 134,136, рис. 2.4
Н. Дон, мог-к Кобякова горща, кург. 5	2 пол. II в.	14	железный с обоймой	22, с. 169, рис. 2.21
		21	круглая рамка	22, с. 169, рис. 2.16
		22	с парными кольцами	22, с. 167, рис. 2.19
Н. Дунай, кург. 2 у с. Нагорное	III в.	13	не фасетированы	23, с. 45, рис. 14.13
		14	с обоймой	23, с. 45, рис. 14.18
		15	листовидной формы	23, с. 47, рис. 14.15
		16	листовидной формы	23, с. 47, рис. 14.17
		18		23, с. 47, рис. 14.11
		19		23, с. 47, рис. 14.22
Ю. Урал, кург. у с. Ишкильдино	III – IV вв.	13		53, с. 243, рис. 1.1
		15		53, с. 243, рис. 1.6
Заволжье, кург. II-3 у с. Харьковка	II в.	14		26, с. 31, рис. 4.11
		16		26, с. 31, рис. 4.11
		19		26, с. 31, рис. 4.13,14
		22		26, с. 31, рис. 4.16
Крым, мог-к Нейзац, склеп 17	2 пол. II – 1 пол. III вв.	13	бронзовые	58, рис. 12.2-5
		14	бронзовые	58, рис. 11.1-4

Пояснения к таблице: 1 – памятник, 2 – датировка погребения, 3 – порядковые номера предметов из «мичуринского» склепа, 4 – отличия, 5 – публикация.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

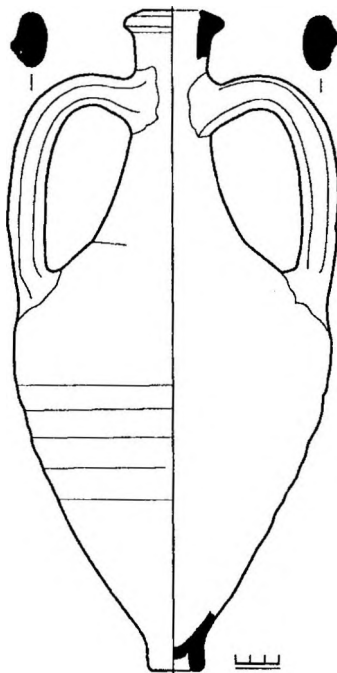

Рис. 1. Амфора из погребения

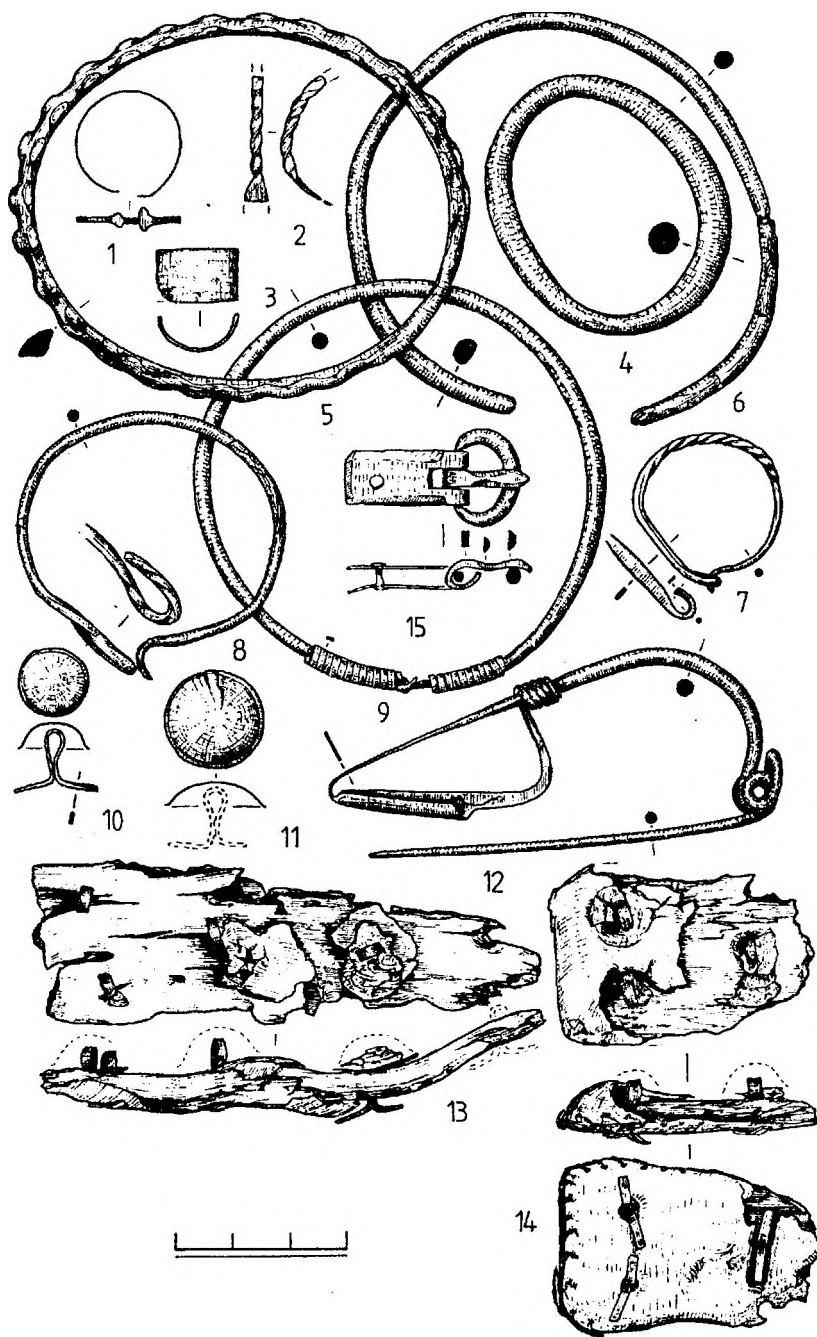

Рис. 2. Инвентарь погребения: 1, 2, 7-9, 11, 12, 15 – серебро; 10 – серебро и бронза; 3-6 – бронза; 13, 14 – бронза, дерево, кожа.

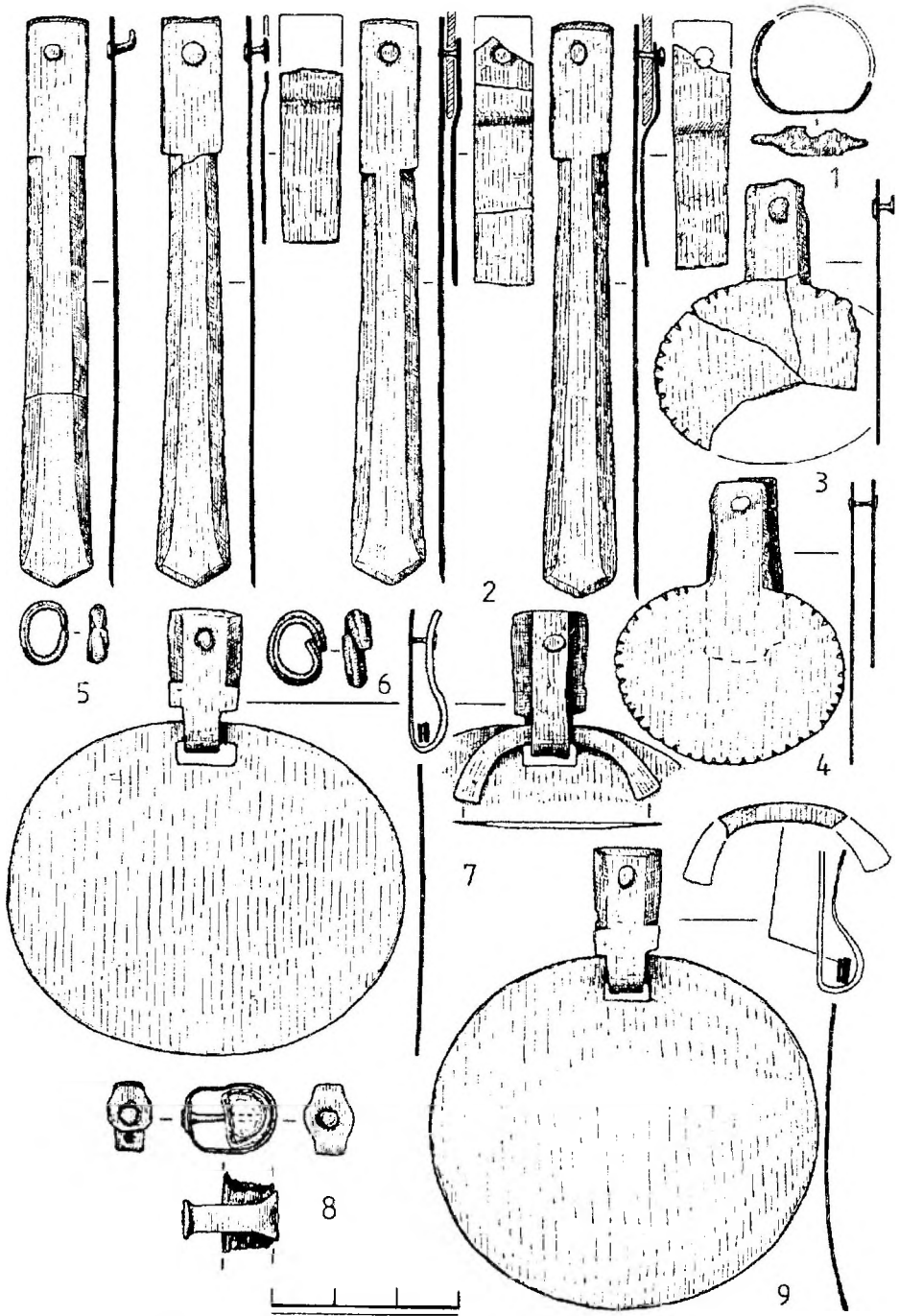

Рис. 3. Инвентарь погребения: 1, 3, 4 – серебро; 2, 7, 9 – серебро и бронза; 5, 6, 8 – бронза.

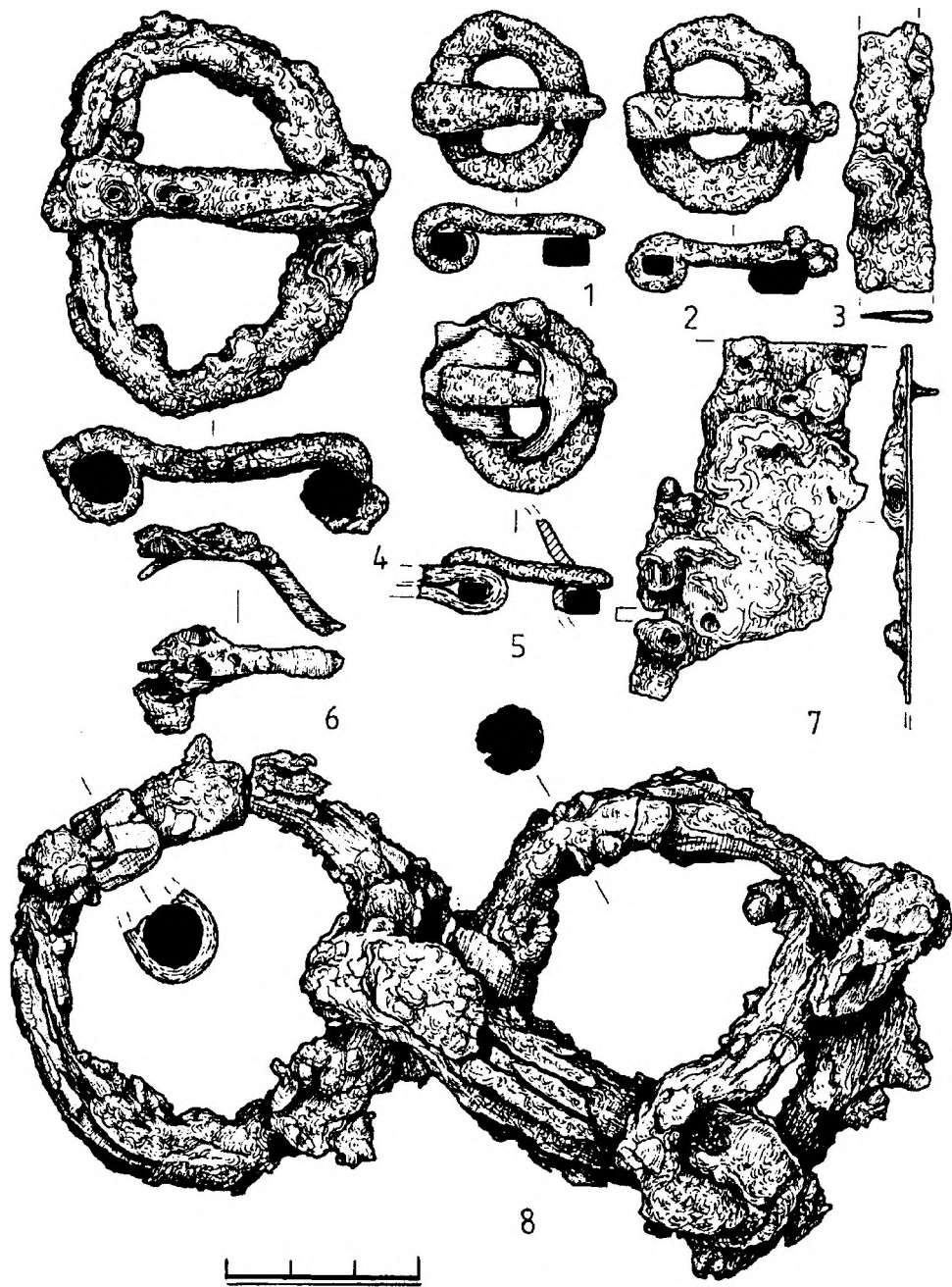

Рис. 4. Железные предметы из погребения.

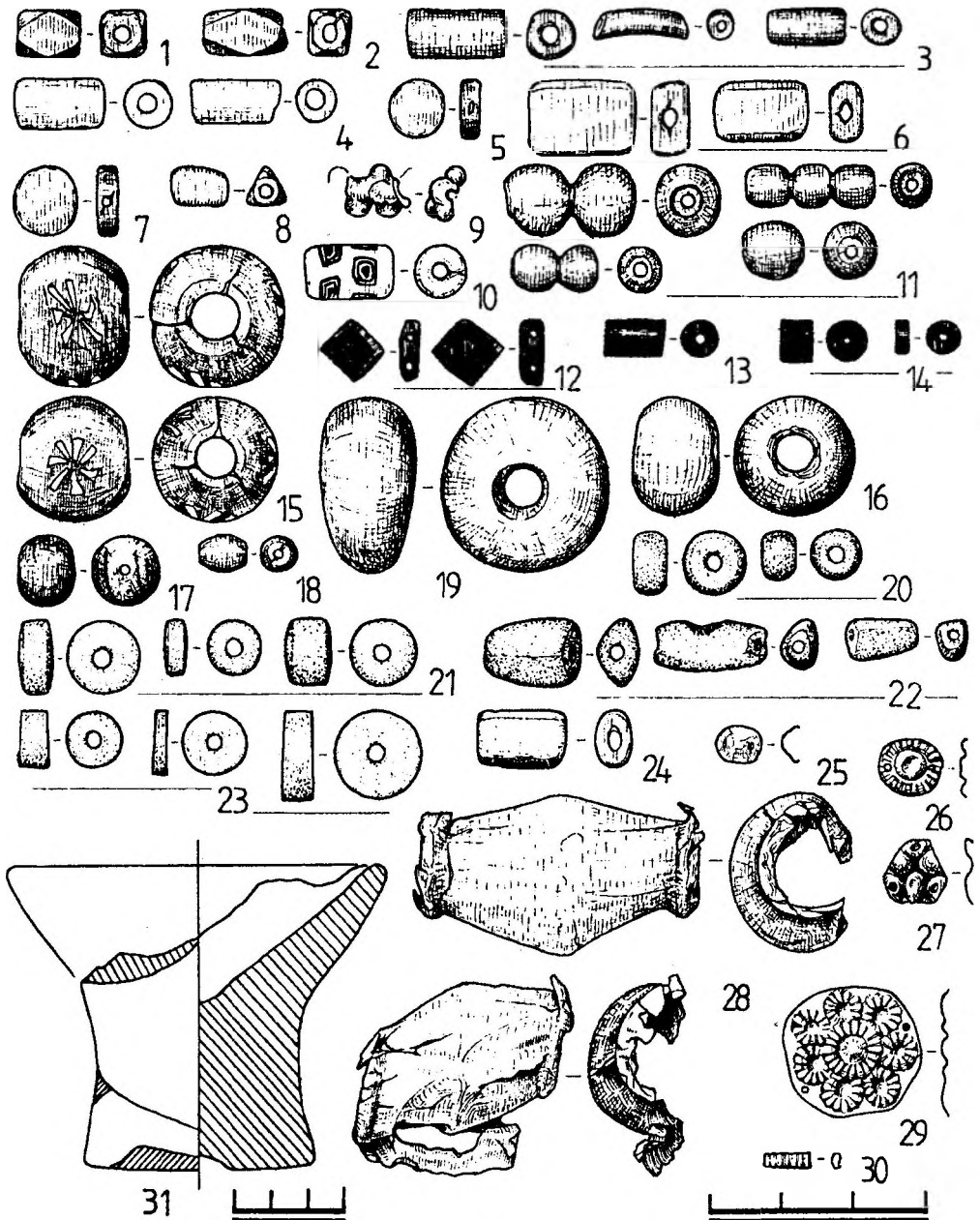

Рис. 5. Инвентарь погребения: 1-11, 15, 24 – стекло; 12-14 – гагат; 16, 19 – халцедон; 20-23 – янтарь; 25-30 – золото; 31 – керамика.